DOI 10.15826/usos.2025.15.16
УДК 811.411.072.3+94(569)+81:39+81:572+81–112+271.742

П. А. Кузьминых

КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО РАЗГОВОРНО-БЫТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МОНАСТЫРЯ МАР АФРАМ, СИРИЯ)

Аннотация. Классический сирийский язык (далее – КСЯ) является одним из арамейских диалектов среднего хронологического периода и наряду с мандейским и вавилонско-арамейским объединяется в восточную подгруппу (к западной же подгруппе относятся самаритянский, христианско- и иудейско-палестинский, галилейский). КСЯ занимает особое место среди прочих арамейских диалектов по ряду аспектов. Во-первых, по объему дошедших письменных памятников (как оригинальных, так и переводных) корпус КСЯ превосходит прочие идиомы, как, например, христианско-палестинский арамейский, который представляет собой по большей части переводы с греческого и сохранился в памятниках очень фрагментарно. Во-вторых, вызывает интерес историческая динамика употребления КСЯ. Выполняя функцию литературной *lingua franca* в ближневосточном регионе, этот язык со времени арабских завоеваний в узуальной функции со временем редуцировался. К XIII столетию КСЯ перестает быть средством коммуникативного общения (в качестве родного языка), но продолжает оставаться при этом сакральным языком у ряда ориентальных Церквей и сообществ. Вследствие конфессионального разделения сформировались различные особенности: графика (тип письма), система огласовок, а также орфоэпическая норма, обозначаемые как восточная vs. западная традиции КСЯ и употребляемые в Церквах восточно- и западно-сирийской традиции соответственно. В 2020 г. в течение шести месяцев автор статьи находился на обучении-стажировке в Академии имени святого Ефрема Сирина в одноименном монастыре в местечке Маарат Сэднайя (в 30 км к северо-западу от Дамаска), изучая КСЯ и арабский языки, местную литургическую традицию, методологию преподавания КСЯ, этнографические реалии. Эвристическим для автора стали традиции бытования КСЯ в среде монахов, клириков, семинаристов, образованных интеллектуалов, когда помимо широко употребляемой литургической функции (*Kultsprache*), КСЯ может являться средством коммуникативного (прежде всего, устного) общения (в формульном или ситуативном узусе), примером письменной фиксации, а также литературной традиции. Автор хотел бы поделиться собственными полевыми наблюдениями, проанализировать данный феномен и обозначить перспективы дальнейшего исследования в данной области знаний.

Ключевые слова: классический сирийский язык, сиро-яковиты, западные сирийцы, древний язык в качестве средства общения, бытовой узус сакрального языка, Сирия

Pavel A. Kuzminykh

CLASSICAL SYRIAC AS A MEANS OF COLLOQUIAL AND EVERYDAY COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF MAR AFRAM MONASTERY, SYRIA)

Abstract. Classical Syriac (hereinafter – CS) is one of the Aramaic dialects of the middle chronological period and along with Mandaean and Babylonian-Aramaic is united in the eastern

subgroup (the western subgroup includes Samaritan, Christian and Judeo-Palestinian, Galilean). CS occupies a special place among other Aramaic dialects in a number of aspects. Firstly, in terms of the volume of extant written monuments (both original and translated), the corpus of CS surpasses other idioms, such as Christian-Palestinian Aramaic, which is mostly translations from Greek and is preserved in monuments very fragmentarily. Second, the historical dynamics of the use of CS is of interest. Performing the function of a literary *lingua franca* in the Middle East region, this language has been reduced in its usual function since the Arab conquests. By the 13th century, CS ceased to be a means of colloquial communication (as a mother tongue), but continued to be a sacred language for a number of Oriental churches and communities. Due to the confessional division, different features – the script (type of writing), the system of vowels, as well as the orthoepic norm, labeled as Eastern vs. Western traditions of the CS and used in the Churches of the Eastern and Western Syriac traditions, respectively, were formed. The author of this article spent six months in 2020 at the St. Ephrem the Syrian Academy in the monastery of the same name in Maarat Sednaya (30 km northwest of Damascus), studying the CS and Arabic languages, the local liturgical tradition, the methodology of teaching the CS, and ethnographic realities. Heuristic for the author was the tradition of using CS among monks, clerics, seminarians, and educated intellectuals, when in addition to its widely used liturgical function (*Kultsprache*), CS can be a means of colloquial (primarily oral) communication (in formulaic or situational usus), an example of written fixation, and a literary tradition. The author of the paper would like to share his own field observations, analyze this phenomenon and outline the prospects for further research in this field of knowledge.

Keywords: Classical Syriac, Syro-Jacobites, Western Syrians, ancient language as a means of communication, everyday usus of sacred language, Syria

Изучение КСЯ занимает значительный пласт в различных сферах академического знания – собственно язык, а также порожденная им литература являются предметом исследования филологов, историков, теологов, востоковедов, в особенности специалистов по Христианскому Востоку. Сирология как наука зародилась на Западе в XV в. усилиями католических миссионеров [Aßfalg, Krüger, S. 364–365], достигла своего расцвета в отдельных областях знаний и на настоящий день представлена как учебная дисциплина в крупных востоковедных и богословских научных центрах. Преобладающим принципом в изучении КСЯ является диахрония, когда специалисты обращают свой взор на КСЯ как на древний язык (*lingua antiqua*), работая по большей части с богатым рукописным наследием, сохранившимся на этом языке. Помимо сугубо академического ареала знаний КСЯ сохраняет свое место внутри языковой традиции, а именно в общинах, использующих КСЯ как литургический (*lingua sacra*). Церкви сирийской традиции можно классифицировать по вероучительному, конфессиональному, географическому и др. признакам. Традиционно выделяют западных и восточных сирийцев, что отражает конфессиональное разделение Церкви в V в., но в слабой степени релевантно для современности. К первым – западным – относятся общины яковитов, маронитов, сиро-католиков, ко вторым – восточным – несториан и халдеев. Русскоязычные термины-обозначения носят исключительно технический характер, поскольку отражают исторический контекст, и в самоназвании общин могут различаться.

Автору этих строк посчастливилось соприкоснуться как с академической, так и с традиционной системой изучения КСЯ. Во время обучения в *alma mater* – в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (г. Москва) – на правах вольнослушателя посещал семинарские занятия по КСЯ (преподава-

тель Н. Г. Головнина, 2014–2016 гг.). В 2016 г. в рамках участия в летней школе по иудаике и семитологии в г. Острог (Западная Украина) был слушателем курсов по сирологии и арамеистике у Ю. Фурман, А. Лявданского, А. Муравьева. В период 2016–2019 гг. находился на учебной стажировке в Восточном институте Университета имени Мартина Лютера в г. Галле (Германия), где также изучал КСЯ у г-жи проф. Корнелии Хорн. В 2020 г. в рамках церковно-академического обмена был делегирован от Русской Православной Церкви на прохождение обучения в семинарии имени святого Ефрема Сирина при одноименном монастыре в г. Маарат Сэднайя (араб. معرة صيدنايا), расположенном в 30 км северо-западнее Дамаска (Сирия).

Илл 1. *Вид с юга на монастырь Ефрема Сирина (Сирия). Фото автора*

Конфессионально семинария и монастырь относятся к Сиро-яковитской Ортодоксальной Церкви, одной из Церквей дохалкидонитского направления, т. е. не принимающих учения IV Вселенского Собора (451 г.). В литературе за дохалкидонитами закрепилось наименование монофизиты, к которым принадлежат также копты, эфиопы и армяне. Необходимо отметить, что термин «яковиты», как и «монофизиты», воспринимается самими приверженцами в пейоративном ключе. На протяжении шести месяцев (с февраля по август 2020 г.) автор был погружен в изучение КСЯ в полевых условиях, внутри традиции, в исследование его

бытования, трансляции, певческого узуса и проч. Ряд последовавших публикаций посвящены темам, так или иначе связанным с использованием КСЯ в письменной и устной традиции на основе собственных полевых материалов [Кузьминых, 2023; Кузьминых, 2024].

Эвристическим стал для автора факт использования КСЯ в качестве средства разговорно-бытовой коммуникации. Хотя в литературе есть упоминания об этом, – «*КСЯ употребляется… даже в устной форме – как лингва франка для клириков, родными языками которых могут быть разные восточные новоарамейские диалекты, арабские диалекты или курдский язык*» [Языки мира, с. 563], – личное соприкосновение с данным феноменом поразило автора, тем более, что палитра использования КСЯ как средства разговорно-бытовой коммуникации весьма многогранна. В качестве условной классификации нами выделяются следующие функции КСЯ (за вычетом его основного – литургического – узуса):

1. сакрально-коммуникативная;
2. этикетно-коммуникативная;
3. ситуативная (как *lingua franca*);
4. письменная фиксация;
5. паралитургическая функция.

Рассмотрим данные функциональные аспекты, зафиксированные автором в полевых условиях.

Сакрально-коммуникативная функция тесным образом связана с богослужебным использованием КСЯ и имеет этот литургический узус своим источником. В качестве примеров можно указать следующие клише:

• испрашивание благословения при обращении к клирикам или монашествующим (*de facto* аналог приветствия лиц духовного звания):

ܒܪܟ ܡܪܝ [bareḵ mor][1] «благослови», букв. «благослови, владыка мой». Нередко в речи сиро-яковитов можно услышать воляпюки, наподобие смеси из КСЯ, арабского и английского: بارخ مور ابونا باي باي [bareḵ mor abūnā bāy bāy], рус. «Благослови, отче, пока-пока!»

• поздравление с (церковным) праздником:

ܥܝܕܐ ܒܪܝܟܐ [ʿido briḵo] «с праздником», букв. «праздник благословенный», ср. араб. عيد سعيد или أحد مبارك («счастливого праздника», «благословенного воскресенья»)

• на Пасху: ܡܫܝܚܐ ܩܡ – ܫܪܝܪܐ ܩܡ [Mšiḥo qom – šariro’iṯ qom], аналог церковнослав. «Христос воскресе – воистину воскресе!»

Стоит отметить, что степень владения КСЯ среди сиро-яковитов весьма различна, от первоклассного уровня знания грамматики и лексики (что характерно прежде всего для образованных клириков) до полного непонимания или понимания лишь отдельных слов или фраз (часто на интуитивном уровне). При этом отмеченные клише-поздравления могут использоваться как маркер традиции, при-

[1] При передаче сирийских фраз используется упрощенная транскрипция, отражающая традиционное западно-сирийское произношение. В отношении ударения действует правило: ударным является слог на пенультиме, если же ультима образует закрытый слог, ударение падает на нее.

надлежность к определенной конфессиональной группе. Так, был отмечен факт использования «bareḵ mor» (благослови!) одним сиро-яковитом в обращении к священнику Антиохийской Православной Церкви[2].

К ***этикетно-коммуникативной*** области относятся стандартные приветствия из повседневного обихода. Приведем следующие:

- ܒܪܟ ܨܦܪܐ – ܒܪܟ ܛܒܐ [briḵ ṣafro – briḵ ṭobo] («благословенно утро – благословенно хорошо»)
- ܒܪܟ ܪܡܫܐ – ܒܪܟ ܛܒܐ [briḵ ramšo – briḵ ṭobo] («благословен вечер – благословен хорошо»)
- ܠܠܝܐ ܕܢܝܚܐ – ܚܠܡܐ ܒܣܝܡܐ [lilyo da-nyoḥo – ḥelme basime] («ночь спокойствия – сны прекрасны»)
- ܬܘܕܝ ܣܓܝ – ܠܐ ܡܕܝܡ [tawdi sagi – lo medem] («спасибо большое – не за что»)
- ܐܝܟܢܐ ܐܝܬܝܟ – ܬܘܕܝ ܠܡܪܝܐ [aykano iṯayk – tawdy l-Moryo] («как дела? – слава Господу»), вместо ожидаемого ответа ܬܘܕܝ ܠܐܠܗܐ [tawdy l-Aloho], что являлось бы лексическим эквивалентом араб. الحمد لله [al-ḥamdu li-llā] – «слава Богу (хвала Аллаху)»
- ܦܘܫ ܒܫܠܡܐ – ܙܠ ܒܫܠܡܐ[fuš ba-šlomo – zel ba-šlomo] («оставайся с миром – ступай с миром»). Относительно данного клише следует сделать замечание, что фраза «fuš ba-šlomo» (оставайся с миром!) может использоваться при выходе молящегося из храма, что свидетельствует о персонификации сакрального храмового пространства[3].

К ***ситуативным случаям*** использования КСЯ следует отнести случаи применения его в качестве *lingua franca*, что уже отмечалось исследователями [Языки мира, с. 563]. Необходимо кратко охарактеризовать ту языковую картину, имевшую место в монастыре и семинарии Мар Афрам (сирийское наименование преподобного Ефрема Сирина) на период прохождения автором стажировки. В целом данную картину можно обозначить условным термином «языковая мозаичность». Общее число насельников составляло около трех десятков человек, большинство из которых арабоязычны, т. е. владеют арабским языком как родным или вторым родным. При этом «арабоязычность» представлена различными арабскими диалектами или субдиалектами, ввиду географического происхождения (из разных регионов Сирии, Иордании, Ирака). В целом ближневосточные арабские диалекты группируются в один кластер, обозначаемый как диалект Большой Сирии (بلاد الشام), но при этом особенности речи выходцев из разных регионов служат маркером идентичности, что накладывает отпечаток при коммуникации. Дополнительно к диалектальной мозаике добавляется литературный арабский язык (ЛАЯ), которым на первом этапе пребывания пользовался автор данного исследования. Литературный язык, по-арабски «аль-фусха» (الفصحى), не обладает в среде арабоязычных христиан высокой степенью престижности, особенно при разговорной коммуникации, но тем не менее является одним из литургиче-

[2] Взаимоотношения между различными этноконфессиональными христианскими сообществами на Ближнем Востоке, в том числе на уровне межкультурной коммуникации, является отдельной темой исследования и не рассматривается в рамках данной публикации.

[3] Данная тема относится к области иеротопии и заслуживает отдельного исследования.

ских языков, используемых наряду с КСЯ. При этом автором выявлена прямая пропорциональная зависимость в употреблении арабского языка: чем выше среди участвующих в богослужении процент мирян (а большинство из них не владеют КСЯ), тем выше процент чтений на арабском языке. Данный феномен имеет место по большей части по отношению к текстам Священного Писания. Для гимнографических жанров данный принцип во многом не работает: во-первых, далеко не все богослужебные книги у сиро-яковитов переведены на арабский язык, во-вторых, особенности певческой организации напева не всегда позволяют с легкостью исполнять переводные тексты на арабском языке[4]. Таким образом, арабский язык сосуществует на примере монастыря Мар Афрам в многомерном измерении – диалекты vs. аль-фусха (ЛАЯ), что является примером типичного двуязычия (диглоссии), в целом характерного для арабского мира.

Следующий факт языкового разнообразия – это «арамейская мозаичность». КСЯ как арамейский язык, выполняющий задачи богослужебного узуса (наряду с отмечаемыми нами прочими), обозначается носителями как «литературный» язык, по-сирийски ܟܬܒܢܝܐ [kt̲obonoyo]. В качестве бинарной оппозиции по отношению к нему выступают современные ново-арамейские диалекты (как, например, туройо или сурет), носители которых были представлены в монастыре (в частности, выходцы с северо-востока Сирии, региона, называемого аль-Джазира, или из иракского Курдистана). Владение одним из ново-арамейских диалектов существенно облегчает освоение и культивирование КСЯ, при этом стоит отметить следующее: арамеоязычные носители воспринимают свои родные диалекты и КСЯ как единое целое. В качестве аналога подобного рода контаминации можно привести обозначение в разговорно-церковном православном обиходе церковнославянского языка русским.

Наконец, третий языковой факт «мозаичности» имеет прямое отношение к ситуативному применению КСЯ в качестве *lingua franca* и был связан с наличием и проживанием в обители и семинарии выходцев из диаспоры (Швеция, США), а также священника из Индии (представителя Сиро-Малабарской церкви, дочерней Церкви сиро-яковитов). Доводилось быть свидетелем многократного использования КСЯ при межкультурной коммуникации, поскольку у одного или обоих коммуникаторов отсутствовала достаточная степень владения арабским или английским языком. Так общался по-сирийски с ребятами-семинаристами молодой человек из Швеции, потомок мигрантов из Тур-Абдина (области на юго-востоке Турции), так же – индийский священник абуна Маркос с настоятелем монастыря епископом Иаковом (родом из Ирака) и некоторыми семинаристами. Ситуативная функция заслуживает более пристального исследовательского внимания, прежде всего в отношении самого факта использования КСЯ в условиях, вызванных парадоксальным образом вопреки или благодаря наличию диглоссии и билингвизма.

Следующий элемент функционального узуса КСЯ – это ***письменная фиксация***, т. е. применение языка в его письменной форме. Сюда можно отнести над-

[4] Певческая традиция сиро-яковитов (в отличие от византийской) не имеет нотации, а целиком состоит из устного пласта.

писи на религиозных объектах (названия храмов, монастырей, святых мест), которые чаще всего дублируются по-арабски, а иногда и по-английски. В семинарской среде КСЯ применяется для информативного оповещения (расписание уроков, послушания, службы в храме и проч.). Также любопытным феноменом является применение фраз на КСЯ в переписке в мессенджерах и чатах, хотя арабская графика используется чаще сирийской, а иногда встречается даже латинизированный шрифт. К письменной фиксации надо отнести и факт наличия в монастыре гостевой книги, пролистывая которую можно обнаружить ряд отзывов на КСЯ или с инкорпорированием отдельных фраз.

Илл 2. *Расписание послушаний на КСЯ. Фото автора*

Заключительный элемент в нашей условной классификации – это ***паралитургическая*** функция КСЯ, которая тесным образом роднится с основным его предназначением (использованием за богослужением). Многочисленные духовные стихи или песнопения, исполняемые на праздниках и застольях, во внехрамовом пространстве, не за богослужением, тем не менее составлены на древнем КСЯ и имеют часто аллюзии к гимнографическим текстам. Так, известен сборник «кукнус» (сир. ܩܘܩܢܘܣ [quqnus] от греч. κύκνος «лебедь»), распространенный в среде сиро-яковитов как праздничная книга для поздравлений и многолетий.

В качестве завершения следует сказать, что автор данного мини-исследования признает за собой долг для дальнейшего изучения отмеченного феномена, когда древний язык (несправедливо нередко называемый «мертвым») используется в качестве живого языкового объекта, культивируется и тем самым оберегается от исчезновения[5].

Илл 3. *Богослужение в пещерном храме на праздник Благовещения, 25 марта 2020 г.*

Список литературы

Кузьминых П. А. Корпус богослужебных книг в современной западно-сирийской традиции (на примере монастыря Мар Афрам) // Филаретовский альманах. 2024. Вып. 20 (1). С. 173–185.

Кузьминых П. А. Неизменяемые части служб суточного круга у сиро-яковитов // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2023. Вып. 77. С. 40–52.

Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова. М. : Academia, 2009. 832 с.

Aßfalg J., Krüger P. Kleines Wörterbuch des Christlichen Orients. Wiesbaden : Otto Harrasowitz Verlag, 1975. 460 S.

Sami Ucel. Die Sprache Jesu heute. Syrisch-aramäische Grammatik und Wortschatz: Syrisch-Deutsch, Deutsch-Syrisch. Wien, 2002. 456 S.

The article was submitted on 16.05.2025

[5] В качестве ознакомления с одной из такого рода «культиваций» древнего КСЯ рекомендуется следующее учебное пособие: *Sami Ucel*. Die Sprache Jesu heute. Syrisch-aramäische Grammatik und Wortschatz. Syrisch-Deutsch, Deutsch-Syrisch. Wien, 2002. 456 S.